

ЗАРОЖДЕНИЕ ТОСАФОТСКИХ АКАДЕМИЙ

А. В. Бубенец

his.bubenecAV@bsu.by;

*Научный руководитель – О. Б. Келлер, доктор исторических наук,
профессор.*

В статье рассматривается феномен тосафотских академий в Западной Европе. Описываются причины их выделения из начальных школ. Раскрывается процесс превращения Домов учения в средневековое высшее учебное заведение. Выделяются этапы становления еврейского образования в Западной Европе.

Ключевые слова: еврейское образование; средние века; тосафот; ашкеназы; синагоги; Крестовый поход.

Евреи известны в Европе еще со времен Римского владычества. Основными центрами их расселения являлись территории современной Италии и Испании. Субэтническая группа, проживающая на Пиренеях, получила название сефардов, а их восточные соседи – ашкеназов [1]. С каждым этапом становления европейской цивилизации наблюдались особенности становления в каждом регионе, что не могло не отразиться на образовании. Ашкеназское общество в целом было грамотным и интеллектуально мотивированным. Однако их образование значительно уступало сефардскому, которое переживало «золотой век» на территории Испании. В XII–XIII в. возник корпус талмудических комментариев, кодексов и трудов по толкованию Библии преимущественно в Испании, который совершил революцию в изучении библейской и талмудической литературы и произвел глубокое впечатление на все последующие поколения еврейских ученых.

Изучение еврейского образования осложнено тем, что оно не подтверждается документально. Христианские университеты имели двухступенчатую систему подтверждения своего статуса – от монарха и от духовных лиц. Несмотря на то, что йешивы – высшие талмудические школы – имеют долгую восточную традицию, в небольших еврейских общинах письменных подтверждений не требовалось, для создания школы или академии требовался лишь авторитет учителя.

Beit midrash – первое понятие, обозначающее школу, которое встречается в источниках. Его дословный перевод – «дом учения». Чаще всего они располагались при синагогах и представляли собой библиотеки чтения Торы, ввиду сложности создания книг в средневековый период [2, с. 99–100]. Однако встречались учителя, которые могли брать от одного до 25 учеников [3, с. 26]. Р. Чазан утверждает, что если ашкеназское еврейство могло произвести таких выдающихся ученых и «высшие учебные заведения», то должно было иметь и элементарное образование, служившее базой для акаде-

мий [4]. Таким образом, баттей-мидраш широко распространились среди еврейских общин.

Ученик Петра Абеляра пишет: «Если христиане воспитывают своих сыновей, то они делают это не для Бога, а для корысти, чтобы один брат, если он писарь, мог помочь своему отцу, своей матери и другим своим братьям. Говорят, что у писаря не будет наследника, а что у него будет, будет нам и другим братьям... Но иудеи, из ревности о Боге и из любви к закону, всех сыновей, сколько имеют, поставили к грамоте, чтобы каждый мог понять закон Божий. Еврей, каким бы бедным он ни был, даже если бы у него было десять сыновей, отправил бы их всех по буквам не для корысти, как это делают христиане, а для понимания закона Божия, и не только своих сыновей, но и своих дочерей» [5, р. 434].

Ввиду того, что общины были небольшими, они перерождаются в хедеры (дома учителей), где возрастает роль наставника. Вопрос об оплате *melammed* (учителей) остро стоит в еврейском обществе, потому что обучение детей считалось обязательным в общине. Возраст обучающихся в мидраше разнился, но, как правило, учились дети. Рабби Меирха-Леви (Рама) написал следующий комментарий к талмудическому отрывку, в котором излагаются обязанности города при найме учителей мидраша: «Отсюда мы выводим, что община должна назначать учителей в каждом городе, жалование которым должно выплачиваться общиной. Это лучше всего, потому что позволяет детям бедняков учиться так же, как и детям богатых» [3, р. 21]. Это привело к созданию общинных школ и большому недовольству общин. Данное правило обнародовали рейнские ученые в Майенте в 1220 г. и повторили в Шрейере с небольшими изменениями в 1223 г.: «Там, где люди не платят воспитателям детей достаточно, потому что в благотворительном фонде [*heqdash*] недостаточно денег, так как у них нет так много, они могут брать их из другого фонда [*she'arheqdash*]...» [3, с. 22]. Фонд состоял из денег умерших евреев, которые не указали при жизни, куда нужно их направить, и капитал переводили на благо общины. Проблемы оплаты и доступности образования привели к широкому распространению семейного обучения, которое по качеству не уступало общинному.

Однако ни баттей-мидраш, ни хедер все еще не являлись академиями, так как не формировали новое научное знание, а ориентировали обучавшихся на знание Торы. Йешивы – высшие талмудические школы – с эпохи Раннего Средневековья во многом утратили свои административные функции [1]. Они продолжали существовать, но скрывали за собой большое разнообразие религиозных и нравоучительных текстов.

Самые ранние попытки устойчивого толкования Талмуда в Германии предпринял Гершом бен Иуда (960–1028/1040, Метц). Раббену Гершом, наиболее известный своими постановлениями над коммунами, принятыми

под его покровительством, также составлял респонсы, которые опирались не только на талмудический сугьер, но и на мишнаистские формулировки, библейские стихи и молитвенные тексты, тем самым заложил основы тосафотской методологии [6].

Первый Крестовый поход нанес значительный удар по йешивам и общинам Майнца, Вормса и их окрестностей. Тем не менее, общины пережили относительно быстрое восстановление. К середине XII в. учреждения вновь открылись, и выдающиеся ученые-раввины снова стали главами йешив. Вместе с тем эти события продемонстрировали угрозу уничтожения еврейского наследия.

Исаак бен Ашер ха-Леви из Шпейера (Риба ха-Закен, ум. 1133) считается самым ранним тосафистом. Для тосафистской методологии характерно внимательное прочтение текста Талмуда. Его основная цель – прояснить значение талмудического отрывка с точки зрения, как формулировки, так и внутренней логики, а затем сопоставить данный отрывок с остальной частью талмудического и раввинистического корпуса.

Современная наука обсуждает влияние, которое христианская диалектика и Ренессанс в целом оказали на евреев. В последней трети XI в. ученые канонического (и римского) права начали анализировать заново открытый сборник Кодекса Юстиниана. Они использовали диалектический метод, весьма схожий по форме и функциям с методом тосафистов [7, р. 282]. Тосафисты не читали по-латыни, текст Библии широко был представлен на иврите. Однако в академии Шпейера некоторые раввины могли работать над лешон галахим [3, р. 59]. Поэтому предполагается, что концепция диалектического обучения могла передаваться через разговоры и обсуждения, особенно учитывая его существование в литературе самого Талмуда, а также его более раннее проявление в докрестовом Вормсе. В пользу возможности христианского влияния говорит и тот факт, что йешивы до Крестового похода имели общие институциональные характеристики с христианскими монастырскими школами. К ним относятся методы чтения и сбора информации, характерные для раввинистических школ до 1096 г. Тосафистские академии имели много общего со схоластическими методами и условиями кафедральных школ, которые выступали важными центрами образования только тогда, когда там преподавали ведущие мастера. Таким образом, Крестовый поход стал поводом для создания устойчивой трактовки священных текстов с целью сохранения связи между общинами.

Таким образом, на зарождение тосафотских академий повлияли такие факторы, как:

1. Высокая образованность членов общин.
2. Авторитетность и знаковая роль учителей в общине.
3. Создание базы трактовки Талмуда в более ранний период VII–XI вв.

4. Постоянное взаимодействие еврейских общин с христианской средой.

Историки рассматривали тосафистов и их достижения как признаки высокого интеллектуального уровня и высокого качества образования ашкеназского общества. Так, Р. Чазан пишет, что при отсутствии явных источников, указывающих на качество школьного обучения, «грамотность, требуемая хозяйственной деятельностью евреев, и уже высокий уровень культурных достижений указывают на успешную систему образования» [4, р. 20]. Тосафотские академии Парижа, Сена и Труа Чазан упоминает как часть системы высшего образования [4]. Действительно, академии северной Франции и Германии слыли во всем средневековом еврейском мире как исключительные центры обучения и эрудиции. Их гегемония в изучении Талмуда считалась неоспоримой [7, р. 9].

Таким образом, все еврейское образование пережило трансформацию в XII–XIII вв., переняв черты христианской цивилизации. Бейт-мидраш переродились в хедеры, а йешивы – в тосафотские академии. Их деятельность способствовала сохранению и развитию еврейского наследия, языка и культуры.

Библиографические ссылки

1. Дубнов С. М. История евреев в Европе от начала их поселения до конца XVIII века: в 4 т. Т. 1. М.: Мосты культуры, 2003. 416 с.
2. Энциклопедия Иудаизма: Меир Натив; пер. с ивр. А. Кидерман. Иерусалим: Массада, 1983. 347 с.
3. Kanarfogel E. Jewish Education and Society in the High Middle Ages. Wayne State University Press, 1992. 118 p.
4. Chazan R. Medieval Jewry in Northern France. Baltimore, 1973. 238 p.
5. Landgraf A. M. Commentarius Cantabrigiensis in Epistolas Pauli e Schola Petri Abaelardi. University of Notre Dame, 1937.
6. Kanarfogel E. The Torah Comments of Yehiel of Paris: Mediating between Peshat and Derash. Ben-Gurion University of the Negev Press, 2020. P. 223–255.
7. Kanarfogel E. Judah he-Hasid and the Tosafists of Northern France // Jewish History. 2021. 34. P. 177–198.